

Ю. СУРОВЦЕВ

Трудные пути

Жизнь вокруг нас полна острых столкновений: новое никогда не побеждает без борьбы, старое никогда не уступает мирно. Но как еще часто мы не умеем увидеть большого смысла в фактах «обыкновенной» жизни! И, право же, стоит поблагодарить писателя, пробуждающего у читателя углубленное внимание к жизни, борющегося против упрощенного, поверхностного взгляда на окружающее.

Герои повести В. Тендрякова «Не ко двору» — люди трудной и сложной судьбы, и сложность эта раскрывается в самых будничных, повседневных бытовых явлениях. Тракторист Федор Соловейков женился на Стеше Ряшкиной. Оказалось, что очень разные характеры у них, противоположные взгляды на семью, на счастье, на работу. Вскоре Федор и Стеша расходятся. Когда у Стеши рождается ребенок, она возвращается к мужу, но потом под влиянием родителей снова уходит от него.

Этот случай драматичен, ибо драматична нескладная жизненная судьба хорошего человека. Но житейская драма в искусстве будет оправдана только тогда, когда в ней раскроется нечто большее, чем частный случай из жизни тракториста Федора Соловейкова и работницы маслозавода Стеши Ряшкиной. Читатель вправе спросить: серьезны ли причины, заставившие писателя рассказать обо всем этом?

Думается, что да. В. Тендряков сделал большое дело, серьезно и художественно талантливо напомнив о том уродующем человека духе **собственничества**, который не исчез вовсе, который еще осложняет и портит отношения людей. Но не будем забегать вперед...

«...Молодым отвели половину избы. В сенцах на то место, где когда-то, в непамятные для Стеши и Федора доколхозные времена, висели хомуты, приспособили для лета на вбитых в стену кольщиках велосипед Федора. Его радиоприемник «Колхозник» поставили на стол...»

В собственность Стеши перешел огромный сундук, потемневший, весь оплетенный полосами железа, с широкой жадной скважиной для ключа — воистину дедовское хранилище хозяйского добра, основа дома в былые годы. Со ржавым, недовольным скрипом он распахнул перед молодой

В. Тендряков «Не ко двору». Повесть. «Новый мир», № 6, 1954 г.

хозяйкой свои сокровища и сразу же заполнил комнату тяжким запахом табака, овчин, залежавшегося пыльного сукна...»

«К вечеру все было на своих местах, — продолжает рассказывать автор. — На скатерти поблескивает желтым лаком приемник, на окнах — тюлевые занавесочки, на подоконнике — горшок с недоростком-фикусом, принесенным из половинки родителей. Угрюмый сундук покрыт веселым половичком».

Может быть, В. Тендряков не стремился сознательно придать этой картине символический смысл, хотя он хорошо умеет найти характерную, целенаправленную, тонкую деталь, построить контрастное сопоставление. Но обратим внимание, как все в этом описании значительно! В дом Ряшкиных, укрытый от посторонних взглядов, огороженный крепким, частым плетнем («чужой кошке лапу не просунуть»), Федор Соловейков был принят «со ржавым, недовольным скрипом». Не понравились Силану Ряшкину открытая душа и веселый нрав Федора, его велосипед и пружинки. Непутевым он кажется теще, да и сама Стеша «про себя тайком считала, — очастливила она Федора, могла бы и другому достаться...».

Чужим оказался для Ряшкиных Федор, потому что любил общую работу, коллектив, имел много друзей. А Ряшкины? Главное их качество — жадность, крепкая ухватистость за «свое». Отсюда — угрюмое недоверие к другим, к «чужим», злоба на «завистников» и на зятя, не умеющего, по их мнению, блюсти семейную выгоду. «Булацкое у них нутро», — определяет председатель колхоза тетка Варвара, умнейшая женщина, которую больше всех других ненавидят Ряшкины. Все усилия, все помыслы, все разговоры Силана и Алевтины Ряшкиных — вокруг своей усадьбы, своего огорода, своей выгоды. Глубоко равнодушны они к делам колхоза. Вступили, да ведь все вступали, а сейчас как-то получается, что на трудодень «выдают» немного — так чего же на колхоз, на «них», как говорят Ряшкины, синину-то ломать. Недостатки и слабости колхоза вызывают у них даже злорадство: «В нашем-то кабанчике уже пудиков во семь будет, не колхозная худоба».

Большое воспитательное воздействие могут оказать эти образы на тех людей, которые несут в себе частичку «силановского», частно-собственнического духа, которые гоняются за «выгодой», за «достатком», не понимая или не желая по-

пользу, — и расцветает человек, хорошеет его душа; добывается человек «достатка» вне коллектива, — уродует он человека, воспитывает недоверие, лицемерие, жестокость.

Что же приняла в наследство от родителей Стеша — жена Федора? Нечто большее, чем просто дедовский сундук; она глубоко впитала в себя ряшкинский взгляд на мир. Была она и в комсомоле, но не «понравилось», именно потому, что там в центре стоят общие интересы. Постепенно складывается одна мечта — замуж, к своему дому, к своему хозяйству: «Займут они половину дома, комнату с печью-голанкой. Тюлевые занавески на окнах, на столе патефон вязаной скатеркой накрыт, стеклянная горка с посудой... Вот оно, счастье: мир, тишина, да дом — полная чаша».

Какой... ряшкинский запах идет от этих мечтаний, какое убогое, совершенно «ряшкинское» это «счастье», разве только «веселым половичком» или «скатеркой» прикрытое.

Федор не выдерживает. С душевной болью, то принимая решение, то мучаясь сомнениями, рвет он с семьей Ряшкиных. Иначе он не может. Федор ни разу не покрывил душой, не поддался на уговоры Стеши, твердившей, что «от добра добра не ищут», что лучше жить с родителями в мире и добром согласии. Федор — человек, воспитанный всем строем нашей жизни, органически впитавший ее законы, хорошо видит свою дорогу и ни при каких обстоятельствах не сойдет с нее. Сила, непоколебимость социалистической морали, ставшей нормой поведения для рядового советского человека, прекрасно выражены в этом образе, — и в этом самое большое достоинство повести.

Человек большой воли, упрямства, Федор хотел вырвать Стешу из засасывающего ряшкинского болота. Хотел, но не знал, как взяться, хотел, но не смог.

Федор молод. Он не прошел суровой школы войны, его жизненный опыт невелик. Федор жил и был воспитан среди людей, подобных себе, — открыто, с доверчивостью относящихся к миру. Чувство общественного долга, радость сознавать себя частью трудового коллектива — все это для Федора просто, естественно, даже не нуждается в разъяснении. Поэтому и думает он, что Стеша сама все поймет, оттого и мучается он, видя, что не может понять она этих простых и ясных вещей.

Хотелось бы, правда, только в одном уп-

рекнуть писателя. То, что Федор не умеет объяснить Стеше свою правду, — это, конечно, верно. Но В. Тендряков обходит вопрос, пытался ли Федор переубедить Стешу. Федор, с каким-то очень взрослым тактом, с удивительно терпеливой силой убеждения организовавший дружную, сплоченную бригаду, Федор, по праву гордившийся тем, что со всякими людьми (но не Ряшкиными!) мог «дотолкаться по-человечески», не мог не завести с женой разговор и о родителях, и о комсомоле, и о ее «тихой работе» на маслозаводе. Если бы мы были свидетелями этих разговоров, образ Федора получил бы более разностороннее освещение.

Но к недостаткам повести еще будет повод вернуться, а сейчас зададимся вопросом: может ли Стеша победить «ряшкинскую» часть своей натуры? Полного ответа В. Тендряков не дает. Он только дает понять, что мешанские мечты о покойном, сытом, «культурном» счастье — это еще не вся Стеша. Она может еще и не остаться глухой к голосу новой жизни. На эту мысль наталкивает конец повести: в многолюдном, шумном клубе Федор, вспоминая юность, лихо отплясывает, стараясь хоть на время забыть о своих семейных неурядицах, а в это время в скучном, молчаливом ряшкинском домике «сундуке» «...уже в тысячный раз Стеша начинает спрашивать себя: чем они (Ряшкины. — Ю. С.) не нравятся людям... в чем же виноваты они перед селом?» Неуверенно, робко, мешая большую человеческую правду с житейски-мелочным хламом, Стеша приближается к решению: виноваты они тем, что живут не как все советские люди, а «в стороне» от людей, и что жить так — неверно. И Стеша, раздраженная, кричит родителям: «Мне жить хочется, как все живут! Не дайте!.. Жить вы мне не даете! Сами ничего не понимаете, меня неоправдливо сделали!»

Минутное ли это просветление или уже сознательный вывод? Жизнь сложна, и силы старого цепки; но может случиться так, что Стеша придет к Федору. Тому есть много причин. И любовь ее к мужу, и то, что работникам МТС предоставили новые хорошие квартиры и теперь Федору и Стеше с маленькой Олей не нужно будет снимать комнату в чужой избе. Вместе с Федором ей будет жить легче и обеспеченнее, а для Стеши это соображение вовсе не последнее. Но главным образом потому нам кажется возможным перелом в сознании Стеши, что она начинает понимать: Федор живет лучше родителей, лучше и правильнее.

Это начало переоценки ценностей в душе Стеши — очень важный момент повести: как бы ни были кое-где еще сильны Ряшкины, у них нет наследников, нет будущего.

Но как изворотливо и живуче старое в жизни! Оно не просто отгородилось от нового частым плетнем, а зорко следит за тем, что делается вокруг, высматривая слабое место. В повести рассказывается, как Стеша, подстрекаемая матерью, едет жаловаться на «бросившего» ее мужа. Алевтина Ряшкина вне себя от восхищения: «Вот прижгут его, молодчика! Прижгут!» И Федора действительно так «прижгли», вынеса ему выговор.

В повесть входят новые лица — члены бюро райкома комсомола во главе с секретарем Нина Глазычева. Автор описывает ее с нескрываемой иронией.

Нина Глазычева, секретарь райкома комсомола, оказавшаяся не в состоянии разобраться, кто прав и кто виноват в этой невеселой истории, — это человек, который привык шаблонно, в отвлеченных категориях думать о жизни.

Поверхностный, упрощенный взгляд на жизнь помешал Нине поговорить с Федором по-товарищески, по-человечески. Нина и не знает этого языка — она или цитирует художественную литературу, или «указывает»: «Ты должен перевоспитать и жену, и отца ее, и мать — всех! Они сразу обязаны были почувствовать, что в их семью вошел комсомолец!»

Ну, что на это скажешь? Федор молчит. Он-то знает, как трудно не то что перевоспитать, а «прожить рядом с Ряшкиными. А для Глазычевой все легко, все ясно потому, что она всерьез ни во что не вникает.

Зло нарисованный образ этот тоже сослужит, по нашему мнению, хорошую воспитательную службу. Некоторой части нашей молодежи, в том числе и комсомольским вожакам, свойствен иной раз легковесный подход к сложной, разнообразной жизни. Такой подход встречается подчас и в печати. Совсем недавно в «Московском комсомольце» (17 июля) была напечатана статья Р. Недосекина «Глазами стороннего наблюдателя» о повести В. Тендрякова. По мнению Р. Недосекина, главный порок повести «Не ко двору» заключается в объективистской, бесстрастно-фиксаторской позиции автора. Только в результате поверхностного знакомства с содержанием произведения можно было прийти к этому выводу, можно было «не заметить» того, что автор явно на стороне Федора, печалится его печалью, радуется его радостью. Основной пафос, основная тенденция повести «Не ко дво-

ру» — показать, как пытался еще мертвое схватить живое и каким нужно быть волевым, нестягаемо принципиальным и в то же время чутким, тактичным, чтобы победить это мертвое, чтобы не спутать сознательных врагов и заблуждающихся товарищей. Статья Р. Недосекина бездоказательна и несправедлива. Существующие и выдуманные недостатки повести В. Тендрякова она выводит из ошибочных статей, печатавшихся в «Новом мире».

Эстетские статьи журнала «Новый мир» отвергла писательская общественность. За чем же ставить на одну полку с эстетам честных, идущих от жизни писателей, даже если и есть у них те или иные недостатки? Товарищам из «Московского комсомольца» следует понять, что пользы от такого «подверстывания» нет никому, кроме эстетов.

В чем, на наш взгляд, основной недостаток повести «Не ко двору»?

Мы верим, что Федор в конечном счете победит Ряшкиных. Те силы, которые должны правильно разрешить конфликт, переубедить Стешу, — не за ряшкинским плетнем и даже не в душе самой Стеши. Федор победит Ряшкиных потому, что воплощает собою силу и правоту нашей морали. Но не слишком ли в одиночестве ведет он борьбу?

Слов нет, автор говорит о том, что жители села, колхозники и трактористы, — на стороне Федора, что в трудные дни Федор находил поддержку и сочувствие среди товарищей по работе. Но художественно показать людей, одинаково с ним мыслящих и чувствующих, — у автора не хватило мастерства. Он или просто от себя упоминает о них или бегло зарисовывает. Так даны образы директора и секретаря комсомольской организации МТС, так дан тракторист Чижов, шофер Вася «Золота дорога» — Федоров другок, и даже Варвара. Дело не в том, чтобы о них написать больше того, чем написали (Варваре уделено в повести много страниц), но надо бы полнее, сильнее показать их, может быть, непосредственно связать с основным конфликтом повести.

Молодой писатель смело поставил и правильно разрешил большую жизненно важную проблему; он проявил и незаурядное мастерство подробной, психологически убедительной обрисовки характеров главных героев, четкой композиции, простого, крепкого языка. Хотелось бы, чтобы В. Тендряков так же талантливо дал нам возможность острее почувствовать и нагляднее представить тех, кто помогает Федору и поддерживает его, придает ему силы, идет вместе с ним по трудным путям настоящего человеческого счастья.